

Гете и христианство.

I.

„Отъ Боцена къ Триенту дорога идетъ на девять миль по плодородной и плодороднѣйшей долинь. Все, что только пы-
тается расти на высокихъ гористыхъ мѣстахъ, здѣсь при-
обрѣтаетъ уже болѣе силы и жизни, *солнце жарко грѣетъ, и
 снова вѣтрится въ Бога.* Меня окликнула бѣдная женщина,
 прося взять ея ребенка въ экипажъ, такъ какъ горячая
 почва ягла ему ноги. *Я сдѣлалъ это доброе дѣло во славу
 могучаго небснаго свѣтила*“.

Такъ написалъ Гете 11 сентября 1786 года, въ началѣ
своего перваго путешествія въ Италию. Въ этихъ словахъ
уже весь Гете, набожный и мудрый служитель Солнца, уче-
никъ эллиновъ, не только полный радости жизни, но и
кроткаго человѣколюбія.

„Солнце жарко грѣетъ, и снова вѣтрится въ Бога... Я сдѣ-
лалъ это доброе дѣло во славу могучаго свѣтила“.

Измученный душой и тѣломъ, на 36 мѣ году жизни, Гете
покинулъ Германію, и черезъ два года вернулся на родину
новымъ человѣкомъ. Что прежде смутно просвѣчивало въ
его душѣ, теперь засіяло полнымъ свѣтомъ. Почва Италиі,
классическія руины, чтеніе древнихъ поэтовъ—все это окон-
чательно способствовало рожденію въ Гете того Олимпійца,
предъ которымъ преклонилась Европа. Итальянская природа,
согрѣтая благодатными лучами полуденнаго солнца, остатки
древняго искусства и новое искусство Ренессанса: Микель
Анджело, Рафаэль,—вотъ на чемъ остановилъ свои взоры
Гете. Рядомъ была католическая, средневѣковая Италиа, мо-
нашескіе ордена, святыя реликвиі, торжественное богослу-
женіе, аскетическая живопись. Двѣ противоположныя Италиі

предстали предъ Гете. Преклопившись передъ первой, онъ естественно отнесся ко второй съ отвращеніемъ. Католическая Италия была ему противна и какъ протестанту, и какъ эллину-язычнику.

Послѣ обѣдн въ соборѣ св. Петра, въ день Рождества, Гете записалъ: „я настолько состарѣлся уже въ своемъ протестантскомъ діогенизмѣ, что это великолѣпіе болѣе опломяетъ меня, нежели даетъ мнѣ. Я тоже могъ бы, какъ мой благочестивый предшественникъ, сказать этимъ духовнымъ покорителямъ міра: не закрывайте же отъ меня солнца высшаго искусства и истинной человѣчности“.

Чѣмъ сильнѣе была любовь Гете къ античной Италиі, тѣмъ острѣе ненависть къ Италиі христіанской. Льюисъ слегка упрекаетъ Гете за то, что онъ не могъ отнестись къ христіанской Италиі и ея искусству даже съ исторической справедливостью. Но Гете былъ поэтъ и философъ. Онъ искалъ истины и, найдя ее въ язычествѣ, не могъ уже быть справедливымъ къ тому, что противорѣчило истинѣ, что закрывало отъ него „солнце“. Гете не былъ Бедкеромъ, который рекомендуетъ, понасладиться часъ другою бюстомъ Юноны, а тамъ наслаждаться фресками Джотто. Тотъ, кто можетъ такъ легко мѣнять объектъ художественнаго созерцанія, не понимаетъ до конца ни красоты Юноны, ни красоты Джотто.

II.

Во время италянскаго путешествія Гетѣ, на ряду съ другими художественными планами, набросалъ планъ драмы „Навсикая“. Судя по сюжету и его трактовкѣ, должно было выйти пѣчто несравненно прекрасное, свѣтлое, какъ поэзія Гомера и Софокла. Въ Неаполѣ и его окрестностяхъ Гете собирался сѣсть за работу. И что же? Занялся ботаникою, отыскиваніемъ первичнаго растенія, теоріей метаморфозы растеній, и „Навсикая“ была заброшена. Что это напоминаетъ? Не такъ же ли Леонардо да Винчи забрасывалъ „Тайную Вечерю“ и отдавался вычисленіямъ механики, работѣ надъ человѣческими крыльями? Между этими двумя гениями—Леонардо и Гете — много общаго Они первые гении Возрожденія, первые глубокіе ученики эллиповъ. Они поняли что эллинизмъ—не въ изученіи риторики, грамматики

и аристотелевой схоластики, а въ усвоеніи эллинскаго взгляда на міръ, въ зоркости къ природѣ, въ созданіи искусства на основаніи вниканія въ законы природной жизни. Отсюда, у Леонардо искусство основано на механикѣ, химіи, анатоміи, у Гете — на геологіи, ботаникѣ. Оба, Гете и Леонардо, встали въ рѣзкую оппозицію къ средневѣковой, съ его близорукостью къ природѣ, страхомъ передъ природой и тѣломъ и зоркостью къ сверхчувственному. Леонардо обнажаетъ природу, разлагаетъ ее числомъ и мѣрой.

Многіе упрекаютъ Гете за „Итальянское путешествіе“, находятъ въ немъ мало отзывовъ объ искусствѣ, интереса къ исторіи. Какъ это невѣрно! Вся сила Гете здѣсь въ томъ, что, описывая страну древнихъ, онъ какъ бы самъ становится эллиномъ въ отношеніи къ природѣ и жизни, что онъ усваиваетъ себѣ эллинизмъ въ его корняхъ, становится, какъ эллинъ, ученикомъ земли и солнца. При томъ безъ всякихъ риторическихъ украшеній, просто, строго и научно.

Онъ—не жрецъ солнца, а именно—ученикъ солнца.

20 го октября, въ Болоньѣ, Гете записалъ: „Я кажусь себѣ настоящимъ Аптеемъ, который тѣмъ болѣе чувствуетъ въ себѣ силы, чѣмъ крѣпче соприкасается съ матерью—землей.“ Тѣ скудныя, сухія слова, которыми Гете описываетъ итальянскую природу, дѣйствуютъ сильнѣе многихъ поэтическихъ описаній. Здѣсь Гете какъ бы схватилъ самую тайну античнаго искусства. Какъ Софокль нѣсколькими бѣдными, простыми словами описываетъ красоту своего родного дема Колона, такъ же поступаетъ и Гете. Онъ тратитъ какъ можно меньше словъ. Чарующая тайна его искусства — какъ тайна искусства Леонардо да Винчи. Скалы на картинѣ „Мадонна въ скалахъ“, или даль, на фонѣ которой изображенъ юный Вакхъ, или горы Джіоконды, почему все это несравнимо ни съ чѣмъ? Потому что Леонардо проникъ въ самую мастерскую, въ самую лабораторію Природы, потому что онъ, постигнувъ тайны природы, не подражалъ природѣ, а творилъ, какъ она. Также и Гете. Вотъ Гете—геологъ:

„Прежде всего горы собираютъ вокругъ себя огромную массу облаковъ. онѣ плотно и крѣпко держатъ ихъ надъ собою, какъ бы второй рядъ вершинъ, пока, опредѣленной внутренней борьбой электрическихъ силъ, эти облака не упадутъ въ видѣ грозы, тумана или дождя, тогда эластич-

ный воздух дѣйствуетъ на остальную часть облаковъ, которая становится опять способной втягивать, растворять и перерабатывать большое количество воды. Я совершенно ясно увидалъ уничтоженіе одного такого облака, оно держалось на одной изъ самыхъ крутыхъ вершинъ, вечерняя заря освѣщала его: тихо, тихо отдѣлялись его оконечности, нѣкоторые клочья удалялись и поднимались вверхъ, другіе исчезали—и такъ мало по малу исчезла вся эта масса, и передо мною была точно кудель, окончательно спряденная невидимой рукою“.

А вотъ Гете ботаникъ:

„Масличныя деревья — чудныя растенія, на взглядъ они похожи на ивы, также теряютъ сердцевину, и кора растрескивается но въ то же время они имѣютъ болѣе крѣпкій видъ. По дереву также видно, что оно медленно растетъ и необыкновенно тонко организовано. Листъ ивообразный и листьевъ немного на вѣтвяхъ. Кругомъ Флоренціи, у горъ все засажено масличными деревьями и виноградными лозами, земля же между ними употребляется для посѣва хлѣбовъ. Около Ареццо и далѣе поля оставляютъ свободнѣе. Я нахожу, что не довольно сдерживаютъ плющъ, который вредитъ масличнымъ и другимъ деревьямъ, тогда какъ было бы очень легко уничтожить его. Луговъ совсѣмъ не видать. Говорятъ, что маисъ изнуряетъ почву, съ тѣхъ поръ, какъ онъ введенъ въ употребленіе, хлѣбопашество потеряло въ другихъ отношеніяхъ. Это очень понятно при здѣшнемъ незначительномъ удобреніи“.

Съ неменьшимъ интересомъ относится Гете и къ тѣмъ созданіямъ природы, въ которыхъ проявилъ себя человѣчскій геній, вѣрныи природнымъ законамъ тяжести и равновѣсія. Какъ специалистъ, говоритъ Гете объ архитектурѣ, и въ его дорожномъ чемоданѣ находится книга объ архитектурѣ римскаго архитектора Витрувія. Въ Кампаніи Гете почти не обращаетъ вниманія на развалины Помпеи, и всецѣло поглощенъ изученіемъ вулкана Везувія. Въ Палермо Гете хочетъ приняться за „Навсикаю“, но отвлекается мыслями о первичномъ растеніи: „мое хорошее настроеніе было нарушено, садъ Алкиноя исчезъ, и на мѣстѣ его появился земной садъ“.

Словесники будутъ оплакивать гибель „Навсикая“ и про-
Бог. Вѣст. №№ 2—3. 1917.

клинать метаморфозу растений. Напрасно. Проникнувъ въ мастерскую природы, Гете подслушалъ тѣ ритмы, которые разлиты въ природѣ, въ журчаніи источника, въ шелестѣ вѣтра, въ шумѣ волнъ, въ щебетаньи птицъ. Гете явился царемъ ритма, самымъ музыкальнымъ изъ европейскихъ лириковъ (послѣ Пушкина). Его пытливое вниканіе въ природу дало ему ритмы „Ифигеніи“ и „Елены“, которыхъ онъ никогда не нашель бы, если бы, подобно словесникамъ, искалъ ритмовъ въ кабинетномъ подражаніи древнимъ образцамъ. Въ маленькомъ стихотвореніи „Auf allen Gipfeln ist Ruh“ Гете совершилъ небывалое чудо музыки, здѣсь граница поэзіи и музыки стерта. Сознательное, человѣческое я отступаетъ, или становится столь яснымъ зеркаломъ природы, что черезъ него проступаетъ сама природа, съ шелестомъ листьевъ и притихшимъ щебетаньемъ птицъ.

Но отступило сознательное, противоприродное я, интеллектъ, я чувствующее, наоборотъ, достигло высшаго просвѣтлѣнія въ покорномъ и умиленномъ сліяніи съ природой

Какъ Леонардо, Гете былъ врагомъ словесниковъ, риторовъ, стилистовъ. Онъ отрицаетъ школьный классицизмъ, но изъ подлиннаго классическаго принципа. Не пренебрегая античными образами, онъ достигаетъ Гомеровою прелести въ идилліи изъ нѣмецкой жизни „Германъ и Доротея“.

Ритмы Гете подслушаны въ природѣ, въ той таинственной „странѣ матерей“, куда отправляется Фаустъ. Наоборотъ, у Пушкина есть отзвуки небесной гармоніи въ христіанскомъ смыслѣ, звуки, чуждые матери-землѣ:

..Какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсень райскихъ,
Чтобъ, возбудивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть.

Пѣсни Гете никогда не возбуждаютъ въ насъ „безкрылаго желанья прочь отъ земли“. Онѣ рождены на землѣ, въ ея глубокихъ тайникахъ. Онѣ говорятъ о томъ, какъ хорошо на этой землѣ, согрѣтой благодатнымъ солнцемъ. Поэзія Гете не подымается надъ „прахомъ“, она есть голосъ праха. И поэзія Гете, и его философія, и его стройная, послѣдовательная жизнь есть оправданіе этого міра, не въ христіанскомъ смыслѣ подчиненія міра тому, что внѣ міра и не отъ міра,

а въ смыслѣ автономности природной жизни, міровая сущность которой есть Богъ, Deus sive natura.

III.

Гете посвятилъ нѣсколько страницъ описанію Ассизи. Поэта привлекли въ Ассизи не воспоминанія о св. Францискѣ, не христіанская живопись Джотто, а храмъ Минервы.

„Изъ Палладіо и Фолькмана я знаю, что тамъ стоитъ превосходный храмъ Минервы, построенный во время Августа и еще совершенно сохранившійся... Громадныя подземныя постройки вавилонски-нагроможденныхъ другъ на друга церквей, гдѣ покоится святой Францискъ, я оставилъ влѣво съ *отвращеніемъ*“... Далѣе Гете встрѣтилъ нѣсколько грубіяновъ. „На переднемъ планѣ шли эти грубіяны, а позади ихъ еще разъ привѣтливо и успокоительно глядѣла на меня прелестная Минерва. Затѣмъ я посмотрѣлъ влѣво на мрачный соборъ Франциска“..

Это мѣсто явно символично. Съ одной стороны мрачный соборъ Франциска, толпа грубіяновъ, съ другой—„успокоительно глядящая Минерва“. Древняя богиня успокаиваетъ поэта, прогоняетъ мрачныя видѣнья средневѣковья, благословляетъ его путь въ древность, въ язычество.

Гете не заинтересовался живописью Джотто, въ душѣ его не нашлось даже самаго легкаго отзыва святому Франциску. Проповѣдь бѣдняка во Христѣ „носившаго язы Христа на тѣлѣ“, евангельская живопись Джотто... мимо, мимо... вотъ тамъ улыбается древняя богиня мудрости, тамъ—тайна архитектурнаго совершенства.

Не эти ли нѣсколько строкъ носились передъ Мережковскимъ, когда онъ описывалъ въ „Воскресшихъ богахъ“ откапываніе древней богини Венеры, въ окрестностяхъ Флоренціи, среди суевѣрнаго ужаса христіанъ, и потомъ Петра, открывающаго гробъ Венеры Медицейской, среди оргіи Лѣтяняго Сада, и у подножія языческой богини изслѣдующаго „нехитрую механику“ чудотворной иконы Божіей Матери, со скорбнымъ, темнымъ ликомъ... Здѣсь только окончательно договорено то, что вскользь бросилъ Гете. Пытливый механикъ Петръ и Гете, съ безстрастнымъ любопытствомъ изслѣ-

дующій архитектурныя формы храма Минервы, и Леонардо, измѣряющій циркулемъ пропорціи лица Венеры, привѣтливо смотрящая „прелестная Минерва“ и улыбающаяся Венера, мрачный соборъ св. Франциска и скорбный ликъ Богоматери... Мережковскому жалъ темнаго лика, сердце его рвется отъ языческой улыбающейся богини къ скорбной Богоматери. Не таковъ Гете. Для него соборъ св. Франциска—только предметъ отвращенія, онъ относится къ нему съ холоднымъ презрѣніемъ.

Отвращеніе Гете къ настроеніямъ христіанскаго искусства разгорѣлось прежде всего въ Болоньѣ. „Нелѣпыя сюжеты картинъ, которыя бѣсятъ, вмѣсто того, чтобы впускать любовь и уваженіе“. „Постоянная анатомія, лобное мѣсто, живодерня; никогда современный интерес“. „Нѣтъ ничего, что имѣло бы *человѣческое содержаніе*“. Въ Чепто Гете пишетъ:

„Съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на картину, изображающую воскресшаго Спасителя, являющагося своей Матеріи. Склонясь предъ Нимъ на колѣни, Она смотритъ на Него съ невыразимо-нѣжнымъ чувствомъ. Лѣвой рукой она касается Его тѣла, *какъ разъ подъ злосчастной раной, которая портитъ всю картину*“.

Если рана Христа портитъ христіанскую картину, то ясно, что для Гете была невыносима самая основа христіанскаго искусства: поэзія Голгофы, поэзія страданія, лица, наблѣдѣвшія, обезкровленныя постомъ, лица, искаженныя судорогой небснаго восторга.

Здѣсь центръ отношенія Гете къ христіанству: если онъ принималъ христіанство, то только безъ Голгофы. Въ своемъ старческомъ произведеніи, къ которому мы еще не разъ вернемся, „Странническіе годы Вильгельма Мейстера“, Гете говоритъ устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ:

„Мы принимаемъ за непростительную наглость всякую попытку выставить на видъ то орудіе мученія и Того. пригвожденнаго къ нему Страдальца, отъ которыхъ само солнце отвратило лицо свое при видѣ представшаго ему зрѣлица мірской злобы. Мы не шутимъ, не щеголяемъ этими глубокими тайнами божественнаго страданія, не обращаемъ орудія ихъ въ украшеніе, изъ опасенія низвести то, что достойно высшей степени уваженія, на уровень низкаго и пошлаго“.

Мы не знаемъ, на кого здѣсь намекаетъ Гете, кто „шутить и щеголяеть“ страданіями Христа и ихъ орудіемъ—крестомъ. Намъ кажется, что эти слова Гете продиктованы безсильнымъ раздраженіемъ и сознаниемъ своей неправоты. Ни отцы церкви, ни священники не щеголяли и не шутили страданіями Христа. Если и Гете имъ не шутить и не щеголяеть, то благо ему. Однако для христіанъ довольно страшно слышать такія истины, какъ то, что надо прятать крестъ подале, подражая солнцу, отвращать отъ него свои глаза. Христіане всѣхъ вѣковъ единодушно взирали на крестъ, почитая крестъ главнымъ и даже единственнымъ орудіемъ духовной брани, вѣруя, что его силой исцѣляется природа и отгоняются демоны.

Гете не шутилъ о крестѣ, но за то довольно развязно шутилъ о воскресеніи, т. е. о плодѣ крестнаго дерева. Значительно позднѣе перваго итальянскаго путешествія и значительно раньше „Странническихъ годовъ“ въ одной изъ Венеціанскихъ эпиграммъ Гете „кошунствуетъ о воскресеніи съ непозволительной легкостью“, какъ признается поклонникъ Гете Д. С. Мережковскій.

IV.

Гете нападаетъ на католичество съ одной стороны какъ протестантъ, съ другой, какъ эллинъ-язычникъ. Сначала Гете возмущается только искаженіемъ христіанства, суевѣріемъ и ханжествомъ итальянскихъ поповъ и монаховъ. Изъ Терни онъ пишетъ 27 октября:

„Я такъ живо ощутилъ въ душѣ, что отъ первоначальнаго христіанства угасли слѣды, а когда я представляю его себѣ во всей чистотѣ, такимъ, какимъ видимъ его въ апостольскихъ дѣяніяхъ, то съ содраганіемъ думаю о томъ, какое безобразное, нелѣпое идолопоклонство тяготѣетъ надъ этими чистыми, простыми основаніями“.

При первомъ посѣщеніи папскаго служенія въ соборѣ св. Петра, Гете, какъ истинный лютеранинъ, возмущается ритуальнымъ характеромъ богослуженія и отсутствіемъ проповѣди. Отъ 3 ноября онъ пишетъ изъ Рима:

„Меня охватило страстное желаніе, чтобы глава церкви раскрылъ свои златыя уста и, говоря съ восторгомъ о бла-

женствѣ праведныхъ душъ, привелъ бы и насъ въ восторженное настроеніе. Когда же я увидѣлъ, что онъ только двигается туда и сюда передъ алтаремъ, поворачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, *кривляясь и бормоча* какъ простой попъ, то во мнѣ зашевелился прирожденный протестантскій грѣхъ, и мнѣ отнюдь не понравилось здѣсь знакомое и обычное дароприношеніе. Вѣдь Христосъ еще мальчикомъ изустно толковалъ Писаніе и въ юношескомъ возрастѣ, конечно не молча поучалъ и дѣйствовалъ, такъ какъ Онъ говорилъ *охотно, умно и хорошо*, какъ намъ извѣстно это изъ Евангелія. Что бы Онъ сказалъ, подумайте, еслибы взошелъ сюда и засталъ своего представителя на землѣ, бормочущимъ и покачивающимся то туда, то сюда? Мнѣ вспоминалось *Venio iterum crucifigi*—и я толкнулъ своего товарища, торопясь выйти на просторъ въ сводчатая, украшенныя живописью залы“. Въ этихъ словахъ уже чувствуется озлобленный духъ нѣмецкаго протестанта. Въ день Крещенія Гете посѣтилъ богослуженіе греко-католиковъ, вѣроятно въ церкви Sant' Athanasio, на via del Babuino. Его замѣчаніе особенно цѣнно для насъ.

„Сегодня, въ праздникъ Крещенія, я смотрѣлъ и слушалъ литургію по греческому церковному обряду. Эти обряды кажутся мнѣ величественнѣе, строже, обдуманнѣе и, между тѣмъ, общедоступнѣе латинскихъ“.

Мы, православные, можемъ гордиться этими словами Гете. Но тутъ же Гете высказываетъ свое отрицательное отношеніе ко всякой церковности.

„И тамъ также я почувствовалъ вновь, что я для всего состарился, кромѣ дѣйствительно истиннаго. Ихъ церковные обряды и оперы, ихъ процессіи и балеты—все это сбѣгаетъ по мнѣ, какъ вода по непромокаемому плащу. Явленіе же природы, какъ напримѣръ, захожденіе солнца, когда на него смотришь изъ виллы Мадама, или произведеніе искусства, какъ высокочтимая Юнона, дѣлаютъ на меня, наоборотъ, глубокое и животворное впечатлѣніе“.

Но Гете слишкомъ поэтъ, чтобы остаться протестантомъ. Протестантство для него—только средство борьбы съ окружающимъ его католичествомъ. Какъ соотечественникъ Лютера, вздыхаетъ онъ о чистомъ евангельскомъ времени, пегодуетъ на язычество церкви. Но потребность въ культѣ,

въ образахъ божества, въ пемъ растеть. „Я не могъ удержаться, чтобы не приобрѣсти себѣ колоссальную голову Юпитера. Она стоитъ противъ моей кровати, хорошо освѣщенная, чтобы я могъ *обращать къ ней мои утреннія молитвы*, и, не смотря на все свое величіе и достоинство, она послужила поводомъ къ забавной исторіи. За нашей старой хозяйкой, когда она приходитъ убирать постель, обыкновенно прокрадывается ея любимая кошка. Я сидѣлъ въ большомъ залѣ и слышалъ, что женщина эта исполняла свое дѣло. Какъ вдругъ она отворяетъ дверь очень поспѣшно и стремительно, противъ своего обыкновенія, и проситъ меня поскорѣе притти и посмотреть чудо. На мой вопросъ: „что тамъ такое?“ она отвѣчала, что кошка молится Богу-Отцу“ Не въ суровые храмы протестантовъ, съ ихъ нагими стѣнами и унылыми псалмами, уходитъ Гете изъ „языческихъ“ храмовъ католическаго Рима. Самъ того не замѣчая, онъ сооружаетъ алтарь Богу-Отцу Зевсу, отцу древнихъ боговъ, и къ нему обращаетъ утреннія молитвы.

Отъ 6-го января Гете пишетъ: „Въ утѣху себѣ я поставилъ въ залѣ отливку колоссальной головы Юноны, оригиналъ которой стоитъ въ виллѣ Лудовизи. Это была моя первая страсть въ Римѣ—и наконецъ я ею обладаю. Никакія слова не могутъ дать о ней понятія. Это точно иѣсьнь Гомера“.

Такимъ образомъ, въ поэтической кельѣ германскаго поэта появились образа двухъ верховныхъ боговъ язычества: Зевса и Геры.

Кромѣ античныхъ памятниковъ, восторгъ Гете возбудила Сикстинская капелла, Микель-Анджело и Рафаэль, два титана Возрожденія, порвавшіе съ традиціями средневѣкового искусства, трактовавшіе христіанскіе сюжеты именно въ духѣ Гете, въ духѣ античнаго язычества, какъ религіи природы. Христось Микель-Анджело—обнаженный, гнѣвный Аполлонъ. Мадонны Рафаэля—цвѣтушія матроны, съ грудями полными молока, какъ у Деметры или Изиды. Эта человѣческая и природная красота была исполнѣ въ духѣ Гете. Тѣмъ болѣе негодуетъ Гете, что богослужебный ладапъ портитъ фрески Микель-Анджело.

„2-го февраля мы отправились въ Сикстинскую капеллу къ службѣ, во время которой освящаются свѣчи. Мнѣ тогчасъ

стало очень неловко, и я вскорѣ удалился со своими друзьями. Я подумалъ: это именно тѣ свѣчи, которыя въ продолженіе трехсотъ лѣтъ закапчиваютъ эти великолѣпныя картины, именно тотъ лапашъ, который съ такимъ *впрыщивающимъ нахальствомъ* не только покрываетъ облакомъ это единственное въ своемъ родѣ свѣтило искусства, но годъ отъ году дѣлаетъ его все болѣе тусклымъ, а со временемъ совершенно погрузить во мракъ“.

Язычество Ренессанса было въ Гете много сильнѣе, чѣмъ благочестивыя и сухія настроенія нѣмецкихъ протестантовъ. Протестанты не отрицали ни воскресенія Христова, ни христіанской морали. Гете смѣется надъ вѣрой въ воскресеніе и подтруниваетъ надъ христіанской моралью, съ грубостью, достойной Вольтера. 16 октября Гете пишетъ изъ Феррары: „Потомъ меня развеселила хорошая выдумка одного живописца: „Іоаннъ Креститель передъ Иродомъ и Иродіадой“. Пророкъ, въ своемъ обычномъ одѣяніи пустытника, энергично указываетъ на даму. Она совершенно спокойно глядитъ на сидящаго около нея царя, а царь—*тихо и разумно на энтузіаста*. Передъ царемъ стоитъ собака, бѣлая, средней величины; изъ-подъ платья же Иродіады высовывается маленькая болонка—обѣ онѣ лаютъ на пророка. Эта мысль показалось мнѣ чрезвычайно *удачной*“. Прелюбодѣй Иродъ смотритъ „тихо и разумно“ на „энтузіаста“, на того „кто былъ больше всѣхъ, рожденныхъ женами“. Отъ такой игривости поморщился бы самъ Лютеръ.

V.

Культъ здоровой чувственности, который билъ ключомъ въ живописи Возрожденія, отвѣтилъ настроенію Гете. Все, что говоритъ о страданіи, объ отреченіи, о немощи, о постѣ—его отвращаетъ. Причиной тому была одна характерная чисто - Гетевская черта: страхъ передъ страданіемъ и громадное чувство самосохраненія. Эту черту Гете, повидимому, унаслѣдовалъ отъ своей матери, которая, нѣжно любя сына, во время его болѣзни старалась не думать о немъ, чтобы себя не разстраивать. Такъ же и Гете отвращался отъ зрѣлища страданій. Проходя по картиннымъ галлереямъ, онъ зажимиваетъ глаза передъ всѣми картинами распятія и му-

ченія святыхъ и съ радостью останавливается на картинахъ, говорящихъ о радости природной жизни:

„Одна Мадонна приобрѣла мою симпатію. Дитя проситъ груди; она стыдливо колеблется обнажить ее. Естественно, благородно, просто и прекрасно“.

Цвѣтущее и цѣломудренное материнство Мадонны Рафаэля возбуждало безконечное восхищеніе Гете. Его философскій умъ намѣчаетъ путь къ тѣмъ идеямъ, которыя позднѣе разовьетъ Мережковскій. Не есть ли аскетизмъ—извращеніе христіанства? Настоящее христіанство пуждается ли въ аскетизмъ, въ ограниченіи правъ разума и плоти? Нельзя ли соединить тенденціи Реформации съ тенденціями Ренессанса? Нельзя ли, чтобы возвратъ къ первоначальному, чистому христіанству апостольскихъ временъ былъ въ тоже время возрожденіемъ античности? Нельзя ли отрѣшиться отъ ужасныхъ видѣній Голговы, отъ мифологической басни Непорочнаго Зачатія, наконецъ отъ не менѣе мифологической вѣры въ воскресеніе? Нельзя ли обосповать философски то воспріятіе христіанства, которое далъ Рафаэль въ живописи? Существуетъ ли бездна между „афинской школой“ и „диспутомъ объ евхаристіи?“ Существуетъ ли бездна между Аполлономъ и Христомъ? Эти вопросы Гете уже намѣчаетъ въ „Италіанскомъ путешествіи“. Здѣсь in pace уже весь будущій Гете, авторъ Фауста и Вильгельма Мейстера.

„И я былъ въ Аркадіи“. Эти слова Гете поставилъ эпиграфомъ къ своему Италіанскому путешествію. Впослѣдствіи въ „Аркадію“ магическія силы перенесутъ средневѣкового героя Фауста, и тамъ онъ сочетается бракомъ съ греческою царицею Еленой—символомъ красоты.

Два года въ Италіи преобразили Гете. Въ Германію онъ вернулся уже вполне ученикомъ эллиновъ, ученикомъ солнца и „воскресшихъ боговъ“. Ненависть къ галилеянамъ будетъ только возрастать. „Солнце жарко грѣетъ, и снова вѣрится въ Бога... Я сдѣлалъ доброе дѣло во славу небеснаго свѣтила“. Богъ—не внутри человѣка, не въ сердцѣ, а—внѣ, въ солнцѣ. Даже доброе дѣло Гете дѣлаетъ не во имя Христа, а во имя солнца—Аполлона. Не намѣченъ ли уже въ этихъ немногихъ словахъ синтезъ языческаго пантеизма съ христіанскимъ милосердіемъ?

„Я кажусь себѣ настоящимъ Антеемъ, который тѣмъ бо-

лѣ чувствуетъ въ себѣ силы, чѣмъ крѣпче соприкасается съ матерью—землей“. Эти слова глубоко западутъ въ душу Ницше, который воскликнетъ: „Будьте вѣрны землѣ!“

Вѣрный солнцу и землѣ, мужскому и женскому началу языческаго пантеизма, Гете въ своей римской кельѣ воздвигъ статуи Юпитера и Юноны и къ нимъ „обращалъ утреннія молитвы“, съ отвращеніемъ покинувъ храмы Распятаго. Развѣ это уже не вызовъ Распятому? Развѣ это не настроеніе цезаря Юліана?

Для одного католическаго ордена сдѣлать исключеніе Гете. Онъ, не почувствовавшій передъ храмомъ святого Франциска ничего, кромѣ отвращенія, очень сочувственно относится къ ордену іезуитовъ.

„Это публичное представленіе было для меня новымъ доказательствомъ ума іезуитовъ. Они не пренебрегали ничѣмъ, что могло увеличить ихъ вліяніе, и умѣли братья за все съ любовью и вниманіемъ. Здѣсь не такой умъ, какимъ представлять его себѣ in abstracto; здѣсь видно участіе къ самому дѣлу, то наслажденіе собой и дѣломъ, которое есть плодъ дѣятельной жизни.. Какъ ихъ церкви отличаются изящной роскошью, такъ же ловко эти проникательные люди овладѣваютъ при посредствѣ приличнаго театра и свѣтской стороны чувственности. Меня особенно интересуетъ жизнь и дѣятельность іезуитовъ. Ихъ церкви, колокольни, здація имѣютъ въ своихъ очертаніяхъ какую-то цѣльность и величіе, которыя каждому невольно внушаютъ благоговѣніе.

Золото, серебро, металлы, отполированные камни—всѣ эти украшенія собраны въ такой массѣ и съ такою роскошью которыя должны ослѣплять нищихъ всѣхъ сословій. Кое-гдѣ нѣтъ такъ-же недостатка и въ нѣкоторой безвкусицѣ, чтобы примирить и привлечь къ себѣ человѣчество. Таковъ вообще духъ католическаго благолѣпія; но я еще никогда не видѣлъ, чтобы онъ гдѣ-либо проявлялся съ такимъ смысломъ, умѣніемъ и послѣдовательностію, какъ у іезуитовъ. У нихъ все согласно направлено къ тому, чтобы не просто *поддерживать древнее оуптывшее благочестіе, какъ дѣлаютъ прочіе духовные ордена, но чтобы подогрѣвать его роскошью и блескомъ, согласно духу времени*“.

Приведенныя слова показываютъ, какъ мало права имѣлъ Гете нападать на язычество католической церкви и призы-

вать къ христіанству апостольскихъ временъ. Не язычество отталкивало Гете отъ церкви, а отсутствіе въ пей язычества. Образъ Распятаго, отъ котораго онъ хотѣлъ укрыться, гналъ его изъ храма, гдѣ возносится чаша съ кровью Христовой, подъ покровъ жизнерадостнаго отца боговъ—Зевса. И въ католичествѣ онъ принималъ только то, что въ корнѣ было извращено компромиссомъ съ язычествомъ: мадоннъ Возрожденія, „подогрѣтое роскошью и блескомъ“ искусство іезуитовъ.

VI.

Римскія элегіи Гете возбудили большое негодованіе какъ въ нѣмецкомъ обществѣ, такъ и въ русской критикѣ. Въ Германіи Гете заслужилъ репутацію безнравственнаго чловѣка, его прозвали „Пріапъ“. Гете не смущался и черезъ нѣсколько лѣтъ написалъ еще болѣе вольныя „Венеціанскія эпіграммы“, гдѣ каждая строка дышетъ Марціаломъ. Можно было возмущаться и Римскими элегіями и „Венеціанскими эпіграммами“, съ точки зрѣнія христіанской. Но конечно не съ этой точки зрѣнія судили германскіе критики. Гете хлестнулъ по ихъ буржуазной нравственности, требующей, чтобъ природа являлась не иначе, какъ подъ покрываломъ. Они не могли простить Гете, что онъ явилъ природу въ ея красивой и смѣлой наготѣ, какъ являли ее эллины. Ницше былъ въ восторгѣ отъ „Римскихъ элегіи“ и „Венеціанскихъ эпіграммъ“. Онъ поражали его избыткомъ здоровья, чисто-эллинской, смѣлой и гордой чувственностью.

Русскіе критики Хомяковъ и Аполлонъ Григорьевъ напали на Гете не съ христіанской точки зрѣнія, чего можно было бы ожидать, а съ точки зрѣнія эллинизма. Эллинизмъ де быть чистъ и цѣломудренъ, а Гете былъ грязный нѣмецъ. Хомяковъ сказалъ, что въ „Римскихъ элегіяхъ“ онъ видитъ „голову тупоумнаго нѣмца на туловищѣ сатира“. Аполлонъ Григорьевъ находилъ, что Гете сохранилъ всѣ прозаическія привычки ученаго нѣмца и „выстукиваетъ гексаметры на спинѣ своей возлюбленной“.

Мы думаемъ, что въ вопросахъ эллинизма Гете и Ницше были болѣе компетентными судьями, чѣмъ Хомяковъ и Григорьевъ. Хомяковъ вообще любилъ фантазировать и какъ его православіе носило несомнѣнныя черты поэтическаго

произвола въ ущербъ исторической дѣйствительности, такъ субъективенъ былъ и его эллинизмъ, „цѣломудренный и чистый“. Гете былъ именно чистъ въ своемъ эллинизмѣ, чистъ и мудръ, но чувствененъ, какъ всѣ греки, какъ Гомеръ, Софокль, Платонъ. Если Хомяковъ видѣлъ въ Гете сатира, то вѣдь сатиръ былъ богъ и занималъ не послѣднее мѣсто среди греческаго божественно-природнаго міра. Но Гете-то какъ разъ и не былъ сатиромъ: онъ былъ прекраснымъ и чистымъ Аполлономъ, тоскующимъ о недоступной красотѣ нимфы Дафны и увивающимъ свои кудри холоднымъ и вѣчно-зеленымъ лавромъ. Этотъ Гете, который по Хомякову былъ загрязнителемъ чистой эллинской красоты, и въ эллинизмѣ, какъ въ жизни, проходилъ мимо всего грязнаго, не облагороженнаго разумностью и формой, всегда озаряя дѣйствительность лучомъ Платонова логоса (не логоса христіанскаго). Цѣня Аристофана, онъ все же не могъ мириться съ его цинизмомъ и называлъ его „неблаговоспитаннымъ любимцемъ Музъ“ Подражая Марціалу, онъ никогда не спускался до его сквернословія. Онъ называлъ только вещи ихъ именами, какъ называли его любимцы — Гомеръ и Софокль — самые чистые, скромные изъ грековъ.

Путешествіе Гете въ Италію было временемъ установленія его міросозерцанія, его духовнаго созрѣванія. Въ это время первая часть „Фауста“ приближается къ окончанію. Создается „Ифигенія“, строгая, чистая и холодная, какъ мраморъ Праксителя. Въ это время окончательно опредѣляется и отношеніе Гете къ христіанству.

Въ молодомъ Гете было еще много христіанскаго. Близость съ такими людьми, какъ дѣвица Клетенбергъ и философъ Якоби оставили въ немъ глубокіе слѣды. Еще важнѣе этихъ вліяній была его любовь къ германскому готическому искусству, воплощающему въ себѣ міросозерцаніе католическаго средневѣковья. Но Гете внутренне переросъ и дѣвицу Клетенбергъ, и Якоби. Понемногу все христіанское стало для него сливаться съ болѣзненнымъ романтизмомъ. Мода на христіанство процвѣтала въ Германіи. Атмосфера, въ которой жилъ Гете, была насыщена мистицизмомъ, квіетицизмомъ и неразлучными ихъ спутниками, всякими болѣзненными извращеніями. Строгій идеалъ красоты, любовь къ жизни, къ внѣшнему міру, къ объекту, здоровые нравственные принципы —

все это устремляло Гете прочь изъ разлагающейся атмосферы, на лоно Матери-Земли, въ глубь античнаго искусства и могучаго XVI-го вѣка, съ его Микель-Анджело и Шекспиромъ. Изъ Италіи Гете вернулся еще болѣе чуждымъ своимъ современникамъ, чѣмъ изъ нея уѣхалъ. Но онъ окончательно выздоровѣлъ самъ и твердо пошелъ своимъ путемъ, ограждая себя отъ болѣзненныхъ вліяній окружающей жизни атмосферой античнаго холода, но отзываясь сердцемъ на все человѣческое, до конца оставаясь свободолюбцемъ и демократомъ, идя на встрѣчу человѣку съ участіемъ и помощью.

Единственные люди близкіе ему по духу (хотя во многомъ и противоположные) были Шиллеръ и Байронъ. Они скоро погибли, и Гете остался одинъ среди холодныхъ статуй, а душа его была теплая и нѣжная. Но онъ не могъ проявлять эту нѣжность часто, не могъ разрушить атмосферу олимпійскаго холода, царившую въ его Веймарскомъ дворцѣ. Онъ зналъ, что, сбросивъ онъ маску аполлинизма, и ворвутся въ его строгій и прекрасный духовный міръ, въ этотъ „элизіумъ тѣней“, потоки большого мистицизма, моральнаго и эстетическаго извращенія.

Вдали отъ него шумѣла новая литература, такъ глубоко претивная его вкусу, воспитанному на Софоклѣ и Рафаэлѣ. Викторъ Гюго натурализмомъ своего „Notre Dame de Paris“ возбуждалъ его отвращеніе. Не меньшее отвращеніе возбуждало въ немъ лжехристіанское изломанное искусство, напоминавшее современное декаденство. Художники, отступая отъ правды и природы, подражали архаикамъ-прерафаэлитамъ, ломались на все лады, забывая, что Джотто былъ первымъ по времени *реалистомъ* въ христіанскомъ искусствѣ.

„Классическое искусство—здоровое, романтическое — больное“, говорилъ Гете, и отъ этого „больнаго искусства“ онъ удалялся въ недоступную даль, надѣвая маску „тайнаго совѣтника Гете“.

Но мы немного забѣжали впередъ. Прежде чѣмъ перейти къ послѣднему, Веймарскому періоду жизни Гете, слѣдуетъ вполне уяснить эпоху его итальянскихъ путешествій.

VII.

Эротизмъ Римскихъ элегій былъ яркимъ выраженіемъ того пантеистическаго и эллинистическаго настроенія, которое

охватило Гете въ Римѣ. Должно быть воздухъ Рима имѣлъ въ себѣ что - то опьяняющее, возбуждающее природныя силы.

Молодой Рафаэль, изъ тихой Умбріи, родины святого Франциска, скромный и дѣвственный ученикъ Перуджино, пріѣхавъ въ Римъ и встрѣтивъ Форнарицу, весь измѣнился: въ его искусствѣ исчезло христіанское. Въ *Madonna del la sedia* онъ изобразилъ цвѣтущую, богатую мать-римлянку-патриціанку. Въ ватиканскихъ лоджіяхъ онъ достигъ античной ясности, веселья и бездумности, чѣмъ окончательно покорилъ веселаго сына Лоренцо Медичи—папу Льва X. Наконецъ, въ триумфѣ Галатеи и фрескахъ виллы Фарнезины онъ впадаетъ въ чувственность поздняго Возрожденія. Гете особенно цѣнилъ эти фрески, снимки съ нихъ, еще до путешествія въ Италію, украшали его комнату.

Подобно Рафаэлю, Гете пріѣхалъ изъ сумрачной Германіи разочарованнымъ романтикомъ, меланхоликомъ, Вергеромъ. Подобно Рафаэлю, въ Римѣ онъ припалъ къ груди Матери-Земли, „оземлился“, охладѣлъ къ сверхчувственному. Этотъ Фаустъ отъ нѣжной, богомольной музы Гретхенъ устремился къ языческой красотѣ—Еленѣ. Аналогія съ Рафаэлемъ поразительна. Не даромъ такъ любилъ Гете Рафаэля, не даромъ въ свободныя минуты вновь и вновь перелистывалъ его рисунки, учась на нихъ принципамъ высшаго искусства.

Эротизмъ Гете—необходимый выводъ изъ предпосылокъ его міросозерцанія. Если природная жизнь божественна, то божествененъ, прекрасенъ ея корень—жизнь пола. Аполлонъ Григорьевъ правъ, говоря, что Гете—утонченный материалистъ въ любви, тогда какъ Пушкинъ—идеалистъ. Красота женскаго тѣла своими совершенными пропорціями возбуждаетъ въ немъ ритмы стиха. Женщина для него—совершенный цвѣтокъ природы. Ея нравственно-сознательная сторона какъ бы отступаетъ, она божественна въ своей роли носительницы плода. Беременность любимой женщины Гете описываетъ какъ ботаникъ:

„Ахъ, мое горло вспухаетъ!“ сказала съ испуганнымъ видомъ
Дѣвочка милая. „Тише, дитя мое, тише—послушай:
Нѣжной рукою коснулась тебя наслажденій богиня!
Преобразить она скоро твой дѣвственный, чудно-роскошный

Образъ и стройныя формы ребяческихъ персей испортить:
 Все наливается; вотъ ужъ и новое платье тѣснить.
 Но не тужи! возвѣщаетъ весною садовнику цвѣта паденье,
 Что, наливаясь, созрѣетъ природой влетѣнный плодъ.

Для Гете, проникнутаго пантеистическимъ эллинизмомъ, противоположное міросозерцаніе невыносимо. Венеціанскія эпиграммы 1790 года полны сарказмами по адресу христіанства. Потому-то такъ и любилъ ихъ Ницше. По поводу картины Веронеза „Пиръ въ Канѣ Галилейской“ Гете говоритъ, что „сонъ гостей разгулявшихся воду счель за вино“. При видѣ картины Воскресенія онъ замѣчаетъ, что никто не можетъ вѣрить этимъ сказкамъ и что ученики украли тѣло Христа. Кардиналы до того ему ненавистны, что онъ называетъ ихъ „краснокожими лягушками“.

По возвращеніи въ Германію, ненависть Гете къ христіанству созрѣваетъ и достигаетъ своего апогея въ геніальномъ стихотвореніи „Коринѣская невѣста“, которое не менѣе геніально перевелъ Алексѣй Толстой.

Иногда сравниваютъ языческій эротизмъ Гете съ эротизмомъ Пушкина. Но здѣсь мало сходства. Эротизмъ Пушкина—много грубѣе, разнузданнѣе. Неподходящее къ Аполлону-Гете названіе „сатиръ“ такъ подходитъ къ молодому Пушкину, что онъ самъ себѣ даетъ это названіе:

Я правлюсь юной красотѣ
 Безстыдной дерзостью желаній...
 Такъ часто нимфа молодая,
 Сама себя не понимая,
 На *фавна* ласково глядитъ.

Но эротизмъ Пушкинской поэзіи прошумѣлъ и погасъ въ его ранней юности и никогда не былъ плодомъ сознательнаго отношенія къ жизни, плодомъ философскаго міросозерцанія. Къ тридцатымъ годамъ Пушкинъ почти совсѣмъ оставляетъ эротику. Далѣе онъ прямо начинаетъ страдать отъ воспоминаній о своей „преступной юности“, плачетъ надъ стихами Филарета, молится покаянными словами Ефрема Сирина. Съ мрачнымъ отчаяніемъ онъ признается:

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ,
 Грѣхъ жадный гонится за мною по пятамъ.

Какой полный контрастъ съ Гете! У Пушкина—грѣхъ и

Сіонскія высоты, любовь для него неразлучна съ мыслью о смерти, о лучшемъ, идеальномъ мірѣ:

Ты говорила: въ день свиданья,
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.

Вмѣсто этого у Гете любовь — упоеніе формами, урокъ ритма и ботаники, въ мірѣ—никакого грѣха и надъ міромъ никакихъ Сіонскихъ высотъ.

VIII.

„Коринѣская невѣста“ написана Гете въ 1797 году, когда ему было 48 лѣтъ. Языческое настроеніе въ Гете созрѣвало и укрѣплялось къ старости. Наоборотъ, христіанство разсѣивалось какъ поэзія юности, какъ что-то милое, незрѣлое, приличное женщинѣ и ребенку, но недостойное зрѣлаго мудреца. „Коринѣская невѣста“—апологія чувственнаго эллипизма и политеизма. При томъ это созданіе бездонной мистической глубины, подобное „Еленѣ“ и „Шабашу классическому“, но съ большей свѣжестью и непосредственностью. Молодой гость приходитъ изъ Аѳинъ въ Коринѣъ. Здѣсь живетъ его невѣста, обрученная ему съ дѣтства. Отцы жениха и невѣсты были друзьями. Уже это—языческая черта. Бракъ есть не только союзъ двухъ людей, но и двухъ издавна дружныхъ семей, союзъ родовъ. Но семья невѣсты приняла христіанскую вѣру, дѣвушка обречена монастырю.

Мать дѣвушки принимаетъ гостя, кормитъ егоужиномъ, отводитъ ему покой. Но гость не трогаетъ пищи и, усталый, ложится на постель. Его невѣста, не зная о его приходѣ, нечаянно входитъ въ спальню. Въ испугъ она хочетъ удалиться, но юноша ее удерживаетъ:

Вотъ, смотри, Венерой золотою.
Вакхомъ вотъ посланные дары.
А съ тобой придетъ
Молодой Эротъ,
Имъ же свѣтлы игры и пиры!

Дѣва возражаетъ, что она умерла для радостей жизни. Мать на одрѣ болѣзни поклялась пожертвовать Богу жизнью, юпостью дочери.

И боговъ веселыхъ рой родимый
 Новой вѣры сила изгнала—
 И теперь царить одинъ Незримый,
 Одному Распятому хвала!
 Агнцы болѣ тутъ
 Жертвой не падутъ,
 Но людскія жертвы безъ числа!

Юноша удерживаетъ дѣву. Они мѣняются брачными дарами. Она даетъ ему золотую цѣпь, онъ хочетъ дать ей чашу, но она отказывается, беретъ только прядь его волосъ.

Полночь бьетъ—и взоръ, доселѣ, хладный,
 Заблесталъ, лицо оживлено,
 И уста безцвѣтныя пьютъ жадно
 Съ темной кровью схожее вино.

Отвѣдавъ даровъ Вакха и Цереры и обмѣнявшись подарками, женихъ и невѣста отдаются другъ другу. Въ это время мать, обходя домъ дозоромъ, слышитъ звукъ поцѣлуевъ, и въ негодованіи входитъ въ спальню. Но не она оказывается въ роли обвиняемой: дочь обращается къ ней съ грозной рѣчью:

Вашихъ клировъ пѣніе бесильно,
 И попы напрасно мнѣ кадятъ:
 Молодую страсть
 Никакая власть,
 Ни земля, ни гробъ не охладятъ!
 Этотъ отрокъ именемъ Венеры
 Былъ обѣщанъ мнѣ отъ юныхъ лѣтъ:
 Ты вотще во имя новой вѣры
 Изрекла неслыханный обѣтъ!
 Чтобъ его принять,
 Въ небесахъ, о мать,
 Въ небесахъ такого бога вѣтъ!

Оказывается, что невѣста — вампиръ, что она высосала кровь изъ юноши, и онъ обреченъ смерти.

Мать, услышь послѣднее моленіе:
 Прикажи костеръ воздвигнуть намъ,
 Свободи меня изъ заточенья,
 Миръ въ огнѣ дай любящимъ сердцамъ!
 Такъ изъ дыма, тьмы
 Въ пламѣ, въ искрахъ мы
 Къ нашимъ древнимъ полетѣмъ богамъ!

Вотъ вещь столь же гениальная, сколь ясная по мысли и
 Бог. Вѣст. №№ 2—3. 1917.

не допускающая двухъ толкованій. Двѣ религіи стали лицомъ къ лицу: религія бога незримаго, распятаго и религія Венеры, Діониса и Эроса, свѣтлыхъ игръ, пировъ и любви.

Обрѣкши дочь на монашескую жизнь, мать *убила* ее. Христіанскій аскетизмъ есть убійство. Но „клировъ гнѣніе беспильно, попы напрасно кадятъ“. Мертвая встаетъ изъ гроба и приноситъ блаженство любви своему возлюбленному, но съ любовію приноситъ ему и смерть. Послѣдняя просьба дочери дышетъ безпредѣльной ненавистью къ новой вѣрѣ: послѣдняя милость, которую можетъ оказать мать своей несчастной дочери, это—предать тѣла любящихъ не христіанскому погребенію, а сожженію на кострѣ по языческому обряду, чтобы души ихъ улетѣли къ древнимъ богамъ. Болѣе сильный, потрясающій, трагическій вызовъ еще не бросался христіанству. Христіанство осуждается, какъ гнусная и преступная выдумка людей. Религія Распятаго есть убійство, бога христіанскаго нѣтъ, но дѣйствительно существуютъ древніе, языческіе боги. Такъ гениально не бросалъ вызовъ Христу никто со временъ цезаря Юліана... Однако, освободившись отъ магическихъ чаръ стиховъ Гете, мы легко раскроемъ ложь его идеи. Прежде всего ложь, что древніе боги приносили людямъ только счастье, что они любили людей. Вспомнимъ хоть Лукреція:

Tantum religio potuit suadere malorum.

Лукреціи задолго до христіанства обвиняли религію въ жестокости, и въ примѣръ приводилъ закланіе Ифигеніи Агамемнономъ по приказу Артемиды. Языческіе боги не разъ побуждали къ дѣтоубійству, т. е. къ тому, въ чемъ Гете обвиняетъ христіанскаго Бога. Гомеровскіе боги часто злы. Елена разражается жалобами на Афродиту, погубившую ея жизнь и жизнь тысячъ грековъ и троянъ по своей прихоти. Хоръ „Антигоны“ изображаетъ Эроса страшпой и темной силой, „влекущей сердца къ преступнымъ“. Въ „Вакханкахъ“ Еврипида представлены жестокости Діониса и его менадъ, которыя разрываютъ на части живыхъ быковъ. Такъ милосердна и челоуѣколюбива языческая троица боговъ, которую призываетъ Гете въ „Коринфской цевѣствѣ“—Венера, Вакхъ и Эротъ—и противопоставляетъ злomu богу христіанъ. Въ римской религіи жрицы богини Весты, въ случаѣ нару-

шенія своихъ обѣтовъ, живыми закапывались въ землю. Восточная религія была еще много жесточе.

А что было въ христіанствѣ? Если въ монастыряхъ бывали жестокости и насилія, то это являлось искаженіемъ христіанства, реакціей язычества, язычествомъ подъ христіанскими именами и обрядами. Если мать рѣшилась насильственно постричь свою дочь, то она съ точки зрѣнія христіанской совершила грѣхъ, и Гете правъ, говоря, что въ небесахъ нѣтъ бога, который принялъ бы этотъ обѣтъ. Но едва ли вообще подобный случай могъ имѣть мѣсто въ Коринѣской общинѣ первыхъ христіанъ, когда еще былъ живъ евангельскій духъ любви и свободы. Насилія явились въ церковной жизни позднѣе, и были компромиссами съ языческими традиціями Византіи и Рима. Отцы церкви рѣшительно высказывались противъ насилій въ дѣлахъ вѣры.

Но Гете причиной зла считалъ религію Распятаяго. Это религія Голгофы убила коринѣскую дѣву и превратила ее въ вампира. Кроткую религію олимпійцевъ смѣнила злобная религія Голгофы. Эта религія лицемѣрно прекратила заклапіе агнецвъ, но безчисленны ея человѣческія жертвы. Обвиняются не христіане, обвиняется Распятый. Если бы Гете устранилъ элементъ насилія въ исторіи Коринѣской невѣсты, онъ былъ бы правъ. Дѣйствительно религія Голгофы сдѣлала гордыхъ смиренными, мудрыхъ—простыми, страстныхъ—безстрастными. Но напрасно Гете обвинилъ религію Голгофы въ убійствѣ. Христось не только никого не убилъ, но самъ былъ убитъ за людей, чтобы спасти ихъ отъ грѣха и смерти, чтобы даровать всѣмъ блаженство.

Мы обнаружили ложь Гете. Не Распятый жестокъ, а жестокіи Венера, Вакхъ и Эротъ. Распятый—любовь, боги—себялюбіе, эгоизмъ. Но Распятый требуетъ отреченія. Онъ Самъ принесъ Себя въ жертву и отъ своихъ поклонниковъ требуетъ постоянной жертвы ¹⁾. Олимпійцы сами ни отъ чего не отрекаются, но зато и отъ людей требуютъ только сожженія быковъ и овецъ и разрѣшаютъ имъ жить согласно

¹⁾ Слова „Милости хочу, а не жертвы“ не отмѣняютъ понятія жертвы. Въ другомъ мѣстѣ Христось говоритъ: „Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто не беретъ креста своего и не слѣдуетъ за Мною, тотъ не достоинъ Меня“. Матѣ. 10, 37—38.

своимъ страстямъ. Вотъ за что Гете возстаетъ на Распятаго! Онъ—вѣчное возраженіе, вѣчное осужденіе его философіи, его отношенія къ жизни. Вотъ почему рана на ребрѣ Иисуса, рана, изъ которой, по словамъ блаж. Августина, родилась церковь, вотъ почему „эта злосчастная рана портитъ всю картину“, вотъ почему „мы принимаемъ за непростительную наглость всякую попытку выставить на видъ то орудіе мученія и Того пригвожденнаго къ нему страдальца, отъ которыхъ и само солнце отвратило лицо свое при видѣ пред-ставшаго ему зрѣлища мірской злобы“¹⁾.

Та злосчастная рана, отъ которой Гете, уподобляясь солнцу, отвращалъ глаза, всегда была и есть первая святыня христіанъ. Тома Кемпійскій говоритъ объ этой ранѣ:

„О великая и драгоцѣнная рана моего Господа, нѣжно любимая больше всѣхъ ранъ, глубоко пронзенная и широко открытая, чтобы всякій вѣрующій могъ войти, чудная въ своемъ истеченіи, обильная благословеніемъ, послѣдняя по времени, первая по значенію!“²⁾.

IX.

Въ 12-й римской элегіи и въ „Коринѣской невѣстѣ“ Гете осторожно приподнимаетъ покровъ греческихъ мистерій. Знаменательно, что именно эти стихотворенія мы имѣемъ въ образцовыхъ переводахъ Тургенева и Ал. Толстого. Вотъ какъ описываетъ Гете обрядъ элевсинскихъ мистерій:

Такъ, ты слыхала не разъ о тайныхъ пирахъ Элевзиса:
 Скоро въ отчизну съ собой ихъ побѣдитель занесъ.
 Греки ввели тотъ обрядъ—и греки, все греки вzywали
 Даже въ римскихъ стѣнахъ: „къ ночи спѣшите святой!“
 Прочь убѣгалъ оглашенный; сгоралъ ученикъ ожидаемъ,
 Юношу бѣлый хитонъ, знакъ чистоты, покрывалъ.
 Робко въ таинственный кругъ онъ входилъ: стояли рядами
 Образы дивные; самъ—словно бродилъ онъ во снѣ.
 Змѣи вились по землѣ; несли цвѣтуція дѣвы
 Марчикъ закрытый. На немъ пышный качался вѣнокъ
 Спѣлыхъ колосевъ. Жрецы, торжественно двигаясь, вѣли.

¹⁾ Подобное отношеніе ко кресту и на тѣхъ же основаніяхъ мы находимъ у еретиковъ богомиловъ, продолжателей манихеевъ.

²⁾ Подобныя же мысли встрѣчаются въ православномъ Октоихѣ.

Мистеріальный характеръ имѣеть вкушеніе хлѣба и вина въ „Коринеской невѣстѣ“:

Вотъ, смотри, Церерой золотою,
Вакхомъ вотъ посланные дары.

Здѣсь мы имѣемъ намекъ на таинство плоти и крови. Не напрашивается ли аналогія съ христіанскимъ таинствомъ евхаристіи? И тамъ, и здѣсь таинственное значеніе придается вину и хлѣбу... Этотъ намекъ Гете подхватываютъ и разовьютъ Мережковскій и Вяч. Ивановъ.

Есть ли „Коринеская невѣста“ произведеніе антихристіанское? Дары, посланные Вакхомъ, не суть ли дары Христа, вино и хлѣбъ? ¹⁾ Не есть ли наше таинство евхаристіи продолженіе элевсинскихъ мистерій?

Но Гете не думалъ о христіанствѣ и по крайней мѣрѣ свободенъ отъ кощунства. Таинственный обрядъ „Коринеской невѣсты“—обрядъ древнихъ языческихъ боговъ, совершаемый вопреки религіи Распятаго. Если Гете былъ противникомъ Распятаго, то все же не смѣшивалъ Его съ Вакхомъ. Въ приведенной элегіи онъ ясно раскрываетъ смыслъ элевсинскихъ таинствъ:

Вотъ, послѣ долгихъ и тяжелыхъ искусовъ, ему открывали
Смыслъ освященныхъ круговъ, дивныхъ обрядовъ и лицъ—
Тайну, но тайну какую? Не ту ли, что тѣсныхъ объятій
Сильнаго смертнаго ты, матъ Церера, сама
Разъ пожелала, когда свое безсмертное тѣло
Все Язіону царю ласково ты предала.
Какъ осчастливленъ былъ Критъ! И брачное ложе богини
Такъ и вскипѣло зерномъ, тучной покрылось травой.
Вся жъ остальная зачахла земля: забыла богиня
Въ часъ упоительныхъ нѣгъ свой благодѣтельный долгъ.

Эллины вѣрили, что, участвуя въ тайнахъ Элевсина, они получаютъ залогъ безсмертія. Но характеръ этихъ таинствъ былъ натуралистиченъ. Подъ покрываломъ переходящихъ явленій есть одинъ неизмѣнный субстратъ природы, индивидуумы исчезаютъ, но природа безсмертна. Сила природы

¹⁾ См. у Валерія Брюсова описаніе православной обѣдни:

Съ виномъ святая чаша
Высоко поднята,
И сладко близить радость наша
Съ дарами Вакха даръ Христа.

и ея могущество проявляются въ законѣ передачи жизни, въ законѣ зачатія. Отсюда боготвореніе пола и его атрибута фаллоса, изображеніе котораго носилось греками въ священныхъ процессіяхъ. Приобщиться божественной жизни значитъ приобщиться той силѣ мірового вождельнія, которая торжествуетъ надъ гибелью переходящихъ формъ, творя все новыя формы. Въ основѣ евхаристіи лежитъ противоположное начало. Законы природной жизни не только не божественны, но грѣховны. Христосъ пришелъ освободить насъ отъ власти грѣха и облечь въ нетлѣніе, не упразднить личность во имя міровой воли, силъ природы, но умертвить жало грѣховной природы и тѣмъ даровать безсмертіе личности. У эллиновъ—отреченіе отъ индивидуума во имя природы—*Deus sive natura*, у христіанъ—отреченіе отъ природы для спасенія личности.

Мы подошли къ центру Гетевой антихристіанской философіи, которая образовалась съ одной стороны подъ вліяніемъ эллинскаго пантеизма, съ другой стороны—подъ вліяніемъ Спинозы. Для Гете, какъ для Спинозы, міровая субстанція есть *Deus sive natura*.

X.

Чтобы уяснить отношеніе Гете къ христіанству, необходимо поставить его философію въ связь съ философіей Спинозы. Великій паптеистъ XVII вѣка оказалъ на Гете еще въ юности глубокое, неизгладимое вліяніе. Позднѣйшее вліяніе Канта было много слабѣе.

Основныя предпосылки философіи Спинозы—тѣ же, что философіи Гете, и сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

- 1) Богъ не есть личность, а субстанція.
- 2) Богъ и природа одно.
- 3) Богъ—имманентная, а не трансцендентная причина міра.
- 4) Богъ не творецъ и вещи—не творенія.
- 5) Богъ не можетъ любить человѣка.
- 6) Невозможность боговоплощенія.
- 7) Невозможность чудесъ.
- 8) Невозможность евхаристіи.
- 9) Въ природѣ нѣтъ грѣха и зло есть противорѣчіе природѣ.

Понятно, что перечисленные тезисы находятся въ прямомъ противорѣчїи, какъ съ христіанствомъ, такъ и съ родной религіей Спинозы — іудействомъ. Мошь іудейства, по мнѣнію Спинозы, въ томъ, что въ іудейскомъ сознанїи субстанція превратилась въ личность, сила природы въ Іегову (Ягве), и монотеизмъ вскрыль пропасть между богомъ и міромъ. Для философа-пантеиста монотеизмъ—не меньшая ложь, чѣмъ политеизмъ. Для монотеиста міръ—внѣ Бога, и въ этой его потугсторонности Онъ самъ естъ обособленное и слѣдовательно не истинно безконечное существо. Монотеизмъ ограничиваетъ Бога и потому является отрицанїемъ Бога. Но также нельзя подчинять Бога условїямъ конечнаго бытія и облекать человѣческими атрибутами, какъ дѣлають политеисты. Дѣйствительный Богъ естъ все во всемъ, Платоново *ἐν καὶ πᾶν*. Внѣ Его ничего нѣтъ, съ чѣмъ бы онъ имѣлъ связь или къ чему могъ бы относиться, какъ къ постороннему.

Спиноза и Гете сливають Бога съ міромъ, изъ того неприступнаго свѣта, въ которомъ онъ пребываетъ по представленію іудеевъ и христіанъ, они погружаютъ его въ потокъ матеріальной жизни. Но дѣлается ли Богъ отъ этого ближе человѣку? Наоборотъ. Трансцендентный Богъ евреевъ былъ близокъ человѣку, ибо онъ былъ *личность*, страстная, гнѣвная, любящая свой избранный народъ. Низведя Бога съ неба въ природу, Спиноза отдаляетъ Его отъ человѣка. Богъ не только безличенъ, но и *невообразимъ*. Богъ Спинозы не любитъ человѣка, ибо любовь естъ аффектъ, а аффектъ невозможенъ въ Богѣ.

Если нѣтъ любви Бога къ намъ, то нѣтъ и перваго побужденія къ боговоплощенію. По христіанскому ученію Богъ сжалился надъ людьми, мучимыми діаволомъ, и послалъ Сына Своего едиnorodнаго для спасенія міра. Но для Спинозы нѣтъ ни грѣха, ни діавола. Природа сама по себѣ безгрѣшна, зло—не субстанціально.

„Я набѣгаю зла потому, что оно противорѣчитъ моей природѣ и отклонило бы меня отъ пути познанія и любви къ Богу“.

Для апостола Павла, наоборотъ, зло естъ законъ природы, раслѣпной грѣхомъ, природа сама по себѣ хочетъ зла. „Не еже бо хочу доброе творю, но еже не хочу злое, сіе солѣваю“ (Римл. 7, 19).

Итакъ, боговоплощеніе невозможно по нѣсколькимъ причинамъ:

- 1) Нѣтъ рабства грѣху, нѣтъ повода для боговоплощенія.
- 2) Если бы и было рабство грѣху, нѣтъ любви Бога къ человѣку, нѣтъ повода принять на себя человѣческую природу и пострадать на крестѣ.
- 3) Кромѣ того, что нѣтъ мірового грѣха и нѣтъ любви Божіей къ творенію, боговоплощеніе невозможно по причинѣ полной несоизмѣримости божества и человѣка. „Богъ становится человѣкомъ значитъ субстанція становится модусомъ. Богъ явился въ человѣкѣ Иисусѣ значитъ субстанція стала отдѣльнымъ модусомъ! Безконечное пространство есть данный отдѣльный треугольникъ!“ „Что касается церковнаго догмата богочеловѣчества, то я открыто заявляю, что я не понимаю этого ученія, болѣе того, говоря откровенно, оно представляется мнѣ столь же нелѣпымъ, какъ если бы мнѣ кто-нибудь сказалъ, что кругъ принялъ природу квадрата“. „Между свойствами человѣка и Бога также мало общаго, какъ между созвѣздіемъ пса и псомъ, лающимъ животнымъ. Если бы треугольникъ имѣлъ даръ слова, то и онъ сказалъ бы, что Богъ есть не что иное, какъ совершенный треугольникъ, а кругъ, что природа Бога въ высшей степени кругла“.

„Для спасенія нашей души отнюдь нѣтъ необходимости знать Христа во плоти“.

Апостоль Іоаннъ говоритъ: „Духа Божія и духа заблужденія узнавайте такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога. А всякій духъ, который не исповѣдуетъ Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста, о которомъ вы слышали, что онъ придетъ и теперь есть уже въ мірѣ“ (Первое посланіе апостола Іоанна, 4, 2—3).

Не признавая божественности Іисуса, Спиноза признаетъ „вѣчнаго сына Бога, т. е. ту вѣчную мудрость Бога, которая открывается во всѣхъ вещахъ, болѣе всего въ человѣческомъ духѣ и среди всѣхъ людей болѣе всего въ Іисусѣ Христѣ, ибо безъ этой мудрости, которая одна учитъ, что истинно и что ложно, что добро и что зло, никто не можетъ достигнуть блаженства“.

Въ „Tractatus brevis“ Спиноза говоритъ: „Непосредственно

изъ Бога вытекаетъ движеніе въ матеріи и разумъ въ мыслящей природѣ“. Поэтому Спиноза называетъ движеніе, какъ и разумъ, который отъ вѣчности познаетъ все ясно и отчетливо „сыномъ Бога“. Это понятіе „сынъ Бога“ сходно съ понятіемъ, которое имѣлъ Леонардо-да-Винчи о первомъ двигателѣ—*primo motore*.

Итакъ, отвергнуты первыя предпосылки іудейско-христіанскаго міросозерцанія: личность Бога, трансцендентность Бога, любовь Бога къ человѣку, воплощеніе Бога. Ясно, что изъ этого отрицанія слѣдуетъ рядъ другихъ отрицаній: прежде всего отрицаніе воскресенія Христа и Его пребыванія въ евхаристіи.

Въ письмѣ къ Ольденбургу Спиноза говоритъ: „Я признаю, какъ ты, въ буквальномъ смыслѣ страданіе, смерть и погребеніе Христа, воскресеніе же напротивъ—аллегорически. Не въ буквальномъ, но зато въ гораздо болѣе высокомъ смыслѣ Христосъ дѣйствительно воскресъ—воскресъ изъ тѣхъ мертвыхъ, о которыхъ Онъ Самъ сказалъ: „Пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ“.

О евхаристіи Спиноза пишетъ въ одномъ изъ писемъ: „О, безумные юноши! Кто же такъ околдовалъ васъ, что вы вообразили, будто можно проглатывать святое и вѣчное, будто святое и вѣчное можетъ находиться во внутренностяхъ вашихъ? Ужасы таинства вашей церкви: они противорѣчатъ здравому смыслу“.

Система Спинозы—одна изъ самыхъ стройныхъ антихристіанскихъ системъ. Естественно, что она вызвала рѣзкую полемику въ кругахъ церковныхъ. За Спинозой утвердилось прозваніе „*irreligiosissimus autor*“—„нечестивѣйшій писатель“. Среди рѣзкихъ нападокъ на Спинозу со стороны христіанъ, выдѣляется объективнымъ и спокойнымъ тономъ возраженіе Ольденбурга. Другъ Спинозы, лондонскій академикъ Ольденбургъ находилъ, что имманентная вещамъ причинность Бога уничтожаетъ человѣческую свободу, а отрицаніе чудесъ, какъ непонятныхъ фактовъ, подрываетъ всемогущество Бога, превосходящее всякое человѣческое познаніе. Гдѣ остается воскресеніе Лазаря и воскресеніе Христа? Если Спиноза отрицаетъ вочеловѣченіе Бога, то онъ тѣмъ объявляетъ бессмысленнымъ ученіе о логосѣ и основанное на немъ евангеліе Іоанна. Воскресеніе Христа надо понимать

буквально: если бы оно имѣло аллегорическое значеніе, то все Евангеліе было бы ложью. „Кто превращаетъ эти вещи въ аллегоріи, тотъ разрываетъ въ клочья всю историческую истинность евангелія“.

Къ этимъ прекраснымъ словамъ нечего прибавить. Они примѣнимы не къ одному Спинозѣ, но и къ Гете, и ко Льву Толстому.

Однако будемъ справедливы, и не будемъ забывать, что Спиноза только безъ страха сдѣлалъ логическіе выводы изъ того ученія, которое пользовалось уваженіемъ церкви, изъ картезіанства. Не будемъ забывать и того, что наряду съ явными антихристіанскими идеями, Спиноза съ исключительной силой убѣжденія развивалъ тѣ идеи, безъ которыхъ невозможно христіанство: идеи самоотверженной, всепоглощающей любви къ Богу, освобожденія отъ „трясины страстей“, отъ всѣхъ нечистыхъ аффектовъ и сліянія съ Богомъ въ духъ и истинѣ. Если Богъ для Спинозы неотдѣлимъ отъ природы, то природа въ его системѣ не есть эмпирическая природа, а метафизическая субстанція. И жизнь великаго философа была непрерывнымъ аскетическимъ подвигомъ. Въ исторіи новой философіи его образъ стоитъ на такой же моральной высотѣ, какъ въ исторіи древней философіи образъ Сократа.

Священникъ Сергій Соловьевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
